

II. ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» — ПЕРВЫЕ ШАГИ

«Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы «Черного Передела», образуют ныне новую группу «Освобождение труда» и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями».

Из обращения «Об издании библиотеки современного социализма» от 25, IX 1883 г.

«Как идейное течение, социал-демократия возникла в 1883 г., когда впервые были систематически изложены за границей Группой Освобождение труда» социал-демократические взгляды в применении к России».

Ленин. «Социализм и война», т. XVIII, стр. 218.

1. Несколько исторических справок

Эмигрировавшие за границу руководители «Черного Передела» (Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич и др.), отошедшие от народнических взглядов и ставшие на точку зрения научного социализма Маркса и Энгельса, пытались сблизиться с «Народной Волей», с ее теоретиками, издававшими за границей журнал «Вестник Народной Воли».

Молодым марксистам казалось, что после пережитых треволнений, после событий 1 марта, создались условия, когда такое сближение стало возможным. Основной вопрос о политической борьбе, который некогда разделял землевольцев и народовольцев, отпал, так как молодые марксисты решили его в согласии с «Коммунистическим манифестом»: всякая классовая борьба есть борьба политическая. Оставалось только, казалось им, под практику революционной борьбы народовольцев, теоретически обоснованную мешаниной из бланкистских и бакунистских воззрений, подвести научную теоретическую марксистскую базу и на этой основе реформировать партию «Народная Воля» в пар-

тию социал-демократическую. Первую свою программную работу «Социализм и политическая борьба» молодой марксист Плеханов предназначал для «Вестника Народной Воли», в редакцию которой он был введен. Поэтому первая марксистская брошюра Плеханова проникнута духом самокритики и примирения между враждующими фракциями революционного движения. Плеханов в ней призывает русских революционеров отказаться от старых бланкистских и бакунистских предрассудков, стать на точку зрения научного социализма и на его основе построить революционную партию.

Как известно, переговоры между группой молодых марксистов и заграничными теоретиками «Народной Воли», во главе которых стоял небезызвестный Л. Тихомиров, имевшие одно время много шансов на успех, в последнюю минуту повели к полному разрыву с «Н. В.» и отказу Плеханова от участия в «Вестнике Н. В.». Первая брошюра Плеханова — «Социализм и политическая борьба» — была и первым изданием вновь образовавшейся социал-демократической Группы «Освобождение труда».

Первое выступление марксиста Плеханова вызвало резкие нападки со стороны «Вестника Н. В.». «Сам» П. Л. Лавров, соглашаясь с тем, что «вторая глава заслуживает такое же внимание, как все серьезные труды по вопросам социализма», порицает «освободителей труда» (так П. Л. Лавров называет Группу «Освобождение труда») за то, что они полемизируют с «Н. В.» вместо того, чтобы бороться «с русским правительством и с другими эксплуататорами русского народа». Это, так сказать, апелляция к чувству читателя. С «теоретическими» возражениями против идей, высказанных в брошюре Плеханова, выступил Л. Тихомиров (спустя три года после этого перешедший в лагерь самодержавия) в статье «Чего нам ждать от революции?». Не называя имен, Л. Тихомиров, явно намекая на молодую русскую социал-демократию, иронизирует над «трагическим положением» «некоторых социалистов», которые считают, что «для выработки материальных условий, необходимых для возможности социалистического строя, Россия обязательно должна пройти через стадию капитализма». Отсюда Л. Тихомиров делает умозаключение: «Будучи последовательным и ставя интересы революции выше своей личной нравственной чистоплотности, социалист тут должен был бы прямо вступить в союз с рыцарями первоначального накопления, у которых не дрогнет сердце и рука развивать разные «прибавочные стоимости» и объединять рабочих в единспающем положении нищего пролетария». Л. Тихомиров в полном противоречии с соредактором «Вестника Н. В.» П. Л. Лавровым полностью отвергает марксистскую концепцию Плеханова. Больше того, в своей статье он деградирует от народовольчества первых годов к бакунизму, сочетая его с русским вариантом бланкизма — ткачевизмом.

В ответ на извращение Л. Тихомировым взглядов молодой Груп-

пы «О. т.» Плеханов выступает в 1884 г. со второй брошюрой «Наши разногласия», где в развернутом виде дает теоретическое обоснование взглядов русских марксистов на задачи революционного движения в России; в этой работе Плеханов не ограничивается критикой теоретических взглядов революционных течений в России, он дает анализ тенденций экономического развития России. Он приходит к выводу, что Россия твердо стала на путь капиталистического развития. Резко полемизируя против Л. Тихомирова, Плеханов и в «Наших разногласиях», однако, обнаруживает еще стремление войти в соглашение с «Н. В.». «Мы не только не желаем соперничать с «Н. В.», — говорит Плеханов в письме П. Лаврову, предпосланном «Нашим разногласиям», — но ничего не желаем так сильно, как полного и окончательного соглашения с этой партией. Мы думаем, что партия «Народная Воля» обязана стать марксистской, если только хочет остаться верной своим революционным традициям и желает вывести русское движение из того застоя, в котором она находится в настоящее время»¹.

«Наши разногласия» интересны не только тем, что дают развернутое теоретическое обоснование новому марксистскому мировоззрению в России, но и тем, что *вскрывают* реакционные тенденции народофильства начала его заката, когда его главным теоретиком стал Л. Тихомиров. В упомянутом выше письме к П. Л. Лаврову Плеханов пишет: «Ни для кого теперь не тайна, что наше революционное движение находится теперь в критическом периоде. Террористическая тактика «Народной Воли» поставила перед нашей партией целый ряд в высшей степени жизненных и важных вопросов. Но, к сожалению, они до сих пор остаются неразрешенными. Находившийся у нас в обращении запас бакунистских и прудонистских теорий оказался недостаточным даже для правильной постановки этих вопросов. Выгнутая прежде в одну сторону, палка перегнулась теперь в другую. Прежнее, лишенное всякого основания, отрицание «политики» уступило место столь же мало основательной уверенности во всемогуществе конспираторского «политиканства». Программа петербургской «Народной Воли» была поставленным на голову бакунизмом, с его славянофильским противопоставлением России Западу, с его идеализацией первобытных форм народной жизни, с его верой в социальное чудотворство революционных организаций нашей интеллигенции. Исходные теоретические положения программы остались неизменными, и только практические выводы оказались диаметрально противоположными прежним. Отрекшийся от политического воздержания бакунизм описал дугу в 180 градусов и возродился в виде русской разновидности бланкизма, основывающей свои революционные надежды на экономической отсталости России»².

Что же представляет собою народофильство последней формации, теоретическим выразителем которого является Л. Тихомиров? «Этот бланкизм, — отвечает Плеханов, — пытается теперь создать свою особую теорию и в последнее время нашел довольно полное выражение в статье господина Тихомирова «Чего нам ждать от революции?». В этой статье употреблен в дело весь арсенал, каким только располагают русские бланкисты для защиты своей программы... Оружие его подновлено, подчищено, подточено. Но присмотритесь к нему внимательнее, и вы увидите, что оружие это есть не что иное, как старомодная шпага бакунизма, ткачевизма, украшенное новым клеймом: реакционных теорий мастер В. В. в Петербурге»¹.

Этой бакунистско-ткачевской трескотне, сдобренной воззрениями реакционного легального народника В. В., Плеханов объявляет решительную борьбу. Преклоняясь перед героической практикой «Народной Воли», Плеханов справедливо заявляет, что «не всякая теория революционеров» есть «революционная теория», ибо в большинстве случаев революционная практика опережает теорию. Революционной может быть только та теория, которая стоит на почве действительных реальных общественных отношений и строит революционную практику на основе революционных тенденций, заложенных в реальной действительности. Такой теорией является учение Маркса, которое одно может вывести русское революционное движение из тупика.

2. Первые работы Плеханова

Первые работы Группы «О. т.» — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» — построены на философско-исторических и экономических принципах, развитых основателями научного социализма в «Коммунистическом манифесте», «К критике политической экономии» и в «Капитале». В указанных работах Плеханова теория исторического материализма и экономическое учение Маркса и Энгельса нашли последовательное и блестящее применение к русским политическим и экономическим условиям. Пользуясь методом Маркса — Энгельса, Плеханов с мужеством революционного мыслителя вскрывает противоречия русского революционного движения, подвергает их научному анализу и наносит сокрушительный удар утопическому социализму народников и бланкизму народофильцев.

Вместе с тем Плеханов в первых своих трудах дает блестящее теоретическое обоснование тому положению, что научный социализм универсален, т. е. он обнимает всю историю человечества, в том числе, конечно, и Россию. «Общие философско-исторические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к совре-

¹ Плеханов, т. II, 105—106.

² Там же, 101—102.

¹ Там же, стр. 102.

менной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности» (Плеханов, т. II, стр. 47, «Социализм и политическая борьба»).

Такая постановка вопроса имела тем большее значение, что в среде народнической революционной интеллигенции укоренилось мнение, что учение Маркса, по существу правильное, неприменимо к России. Даже сторонники Лаврова («впередовцы»), считавшие себя «социал-демократами» и немало потрудившиеся для распространения в России учения Маркса, — правда, в искаженном виде, — становились втупик всякий раз, как дело доходило до применения этого учения к России. Стоявшие «почти целиком на точке зрения соц.-демократии» (Плеханов), «впередовцы» «отрицали «политику» так же решительно, как и анархисты. Они не думали, правда, что социализм несовместим с вмешательством в политическую жизнь буржуазного государства и вполне оправдывали программу западно-европейской социал-демократии. Но они полагали, что возможность открытой организации рабочего класса в особую политическую партию куплена в современном «правовом» государстве слишком дорогою ценою: окончательным торжеством буржуазии и соответствующим эпохе капитализма ухудшением положения рабочих» (т. II, стр. 38—39).

Но философско-историческая концепция марксизма осталась за семью замками не только для «впередовцев». Все революционные направления 70-х и начала 80-х годов восприняли философию исторического материализма в крайне искаженном виде. Они не поняли *революционного* характера учения Маркса — Энгельса. Из самого революционного, какое знает история человечества, учения Маркса — Энгельса делались самые неревolutionонные выводы. Из известного положения Маркса, что производственные отношения «составляют экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка», революционерами 70-х годов делался вывод, что экономическая революция может быть достигнута только путем борьбы на экономической же почве. Плеханов так рисует ход рассуждений таких «марксистов»: «Нередко и до сих пор можно встретить у нас «марксистов», которые именно на этом основании игнорируют политические задачи социализма. Экономические отношения, говорят они, лежат в основании всякой общественной организации. Изменение этих отношений составляет причину всякого политического переустройства. Чтобы освободиться от ига капитала, рабочий класс должен иметь в виду не следствие, а причину, не политическую, а экономическую организацию общества. Политическая организация не приближит рабочих к их цели, так как их политическое порабощение будет продолжаться до тех пор, пока не будет устранена экономическая зависимость их от имущих классов. Употребляемые

рабочими средства борьбы должны быть приведены в соответствие с ее целью» (Плеханов, т. II, стр. 48) ¹.

Не случайно Плеханов свои первые марксистские работы посвятил вопросу о политической борьбе. Именно на этом вопросе ему легче всего было в условиях того времени *показать истинное, революционное лицо* учения Маркса — Энгельса.

По сути дела вопрос об отношении «экономики» к «политике» сводился к знаменитому спору о «яйце и курице», к спору об отношении «причины» к «следствию». Плеханов решает этот спор на почве марксистской диалектики. Он исходит из марксистского понимания «причины» и «следствия», развитого Энгельсом в его «Антидюринге»: «причина и следствие суть понятия, имеющие значение лишь в применении к отдельным случаям; но раз мы рассматриваем этот случай в его общей мировой связи, то причина и следствие совпадают, их противоположность исчезает при созерцании всемирного взаимодействия, в котором причина и следствие постоянно меняются местами, и то, что теперь или здесь следствие, станет там или тогда причиной, и наоборот». В своей брошюре «Социализм и политическая борьба» Плеханов на ряде исторических фактов иллюстрирует это превращение причины в следствие — как экономические отношения, вызвавшие к жизни соответствующие интересам господствующих классов политические учреждения, в свою очередь, подвергаются воздействию со стороны последних. «История есть величайший диалектик и если в ходе ее движения, разум превращается, по выражению Мефистофеля в бессмыслицу а благодетяние становится источником страданий, то не менее часто в историческом процессе следствие становится причиной, а причина оказывается следствием. Вырастая из экономических отношений современного ему общества, политическое могущество буржуазии, в свою очередь, служило и служит незаменимым фактором дальнейшего развития этих отношений» (Плеханов, т. II, стр. 52).

Но эта «диалектика» касается не только господствующих классов, но и эксплуатируемых, борющихся классов. Положение пролетариата в капиталистическом обществе определяется его положением в системе общественного производства — как класса, лишенного средств производства и добывающего средства к существованию продажей своей рабочей силы. Это положение толкает его на борьбу с классом эксплуататоров за улучшение своего положения. На первых порах эта борьба носит характер партизанских стычек с отдельными хозяевами. Но по мере того, как под влиянием роста производительных сил капиталистические отношения усложняются, пролетариат приходит к классовому сознанию, т. е. к сознанию своего положения как класса, в капи-

¹ Кстати, в общем приблизительно так рассуждали впоследствии и наши «экономисты».

талистическом обществе. И он уже не ограничивается борьбой с хозяином за свое экономическое положение. Его борьба превращается в борьбу *политическую*, конечной целью которой является *овладение политической властью* в целях *экономической* переустройства общества в интересах пролетариата, т. е. для уничтожения капиталистической системы и построения социализма.

«Теперь он понимает, какая связь существует между обществом и государством, и не апеллирует на притеснения своих эксплуататоров к тем, кто представляет собою политический орган той же эксплуатации. Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которую можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет... Они стремятся тогда к политическому господству, чтобы помочь себе путем изменения существующих социальных отношений и приспособления общественного строя к условиям своего собственного развития и благосостояния. Разумеется, они тоже не вдруг достигают господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключаящей в умах противников всякую мысль о сопротивлении. Долгое время добиваются они лишь уступок, требуют лишь таких реформ, которые дали бы им не господство, а только возможность расти и созревать для будущего господства; реформ, которые удовлетворяли бы самые насущные, самые ближайшие их требования и хоть немного расширили бы сферу их влияния на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые для решительной битвы. Но раз приобретает эти качества, он может смотреть на своих противников как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе. Так называемая революция есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбой *политической*» (Плеханов, т. II, стр. 58—59).

Последним актом политической борьбы пролетариата Плеханов считает овладение политической властью и установление *диктатуры пролетариата*. Возражая против «захвата власти» кучкой заговорщиков (как это себе представляли народолюбцы), Плеханов пишет: «Мы не принадлежим к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собою последний и притом совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую на известной ступени общественного развития должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению. Достигший политического господства, революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и

будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти...

«Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непродуцированных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни» (Плеханов, т. II, стр. 76—77).

Перед социалистической партией Плеханов ставит *активные революционные задачи* — возглавить рабочее движение и подготовить пролетариат к «решению своей великой исторической задачи». «Обязанность его (пролетариата. — С. Ч.) сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания» (II, 78).

Так Плеханов подходит к вопросу о необходимости организации в России *революционной* социал-демократической партии, ставящей себе конечную цель социалистическую революцию и установление диктатуры пролетариата, *ближайшими* задачами — поднятие классового сознания пролетариата на основе научного социализма и свержение самодержавного правительства, «мешающего росту силы и сознания» пролетариата.

Исходя из этих общих установок, Плеханов старается применить общие марксистские принципы к русской экономической и политической действительности того времени и построить программу революционной практики. В результате этой теоретической работы историческая концепция основоположников русского марксизма схематически представляется в следующем виде. Россия вступила на путь капиталистического развития, и чем дальше, тем больше этот процесс углубляется и тем шире он распространяется на различные участки народного хозяйства. «Азиатские» формы экономики (в том числе и община) разрушаются, и в экономическом отношении Россия становится в ряд старых капиталистических западно-европейских стран. Россия отличается от «Запада» только отсталостью своего капиталистического развития, которое, однако, протекает более быстрыми темпами, чем ранние эпохи капитализма передовых западных стран. Вместе с тем в России складываются и свойственные западно-европейскому капитализму классовые отношения. На историческую авансцену выступают два основных класса капиталистического общества — буржуазия и пролетариат, интересы которых противоположны. Русский пролетариат, так же как и пролетариат капиталистических стран Запада, в силу исторической необходимости толкается на борьбу с буржуазией за политическое господство с целью низвержения капиталистического строя и построения бесклассового социалистического общества. Но эта задача *отдаленная*. *Ближайшая* задача русского пролетариата —

вместе с буржуазией вести политическую борьбу за свержение «азиатского» самодержавия, с тем, чтобы Россию окончательно европеизировать, т. е. завоевать политическую свободу, отсутствие которой тормозит экономическую борьбу пролетариата и борьбу его за конечные цели. Буржуазия, также как и пролетариат, заинтересована в ликвидации самодержавия, так как последнее является тормозом развития капитализма. Следовательно, *ближайшие* цели пролетариата и буржуазии *совпадают* — превратить Россию в конституционную страну западно-европейского типа.

Взятая в целом, эта концепция теоретически выражала реальные производственные классовые отношения, складывавшиеся в России с 60-х годов. В начале 80-х годов процесс капиталистического развития России зашел так далеко, что для наиболее дальновидных и вдумчивых представителей революционного движения, какими были наши первые марксисты, не могло оставаться сомнений, что старые феодальные экономические отношения *безвозвратно* разрушаются под напором новой экономической системы. Бьющие в глаза факты капиталистического пути развития промышленности и сельского хозяйства и развивавшееся рабочее движение, как продукт новых капиталистических отношений, полностью подтверждали правильность теории первых русских марксистов, и надо было сознательно закрывать на эти явления глаза, чтобы их не видеть, и быть слепыми приверженцами старых бакунистских взглядов, чтобы их не понимать. Но первые русские марксисты не были бы революционерами, если бы они ограничились только констатированием факта капитализма в России. Ибо марксизм тем и отличается от всех предшествовавших философских систем, что он не только «познает мир», но и стремится его «изменить». Установив *неизбежность* капиталистического развития в России и *прогрессивность* капитализма в сравнении с феодальными экономическими отношениями, господствовавшими до него в России, первые русские социал-демократы отыскивали в недрах нового экономического строя ту зреющую революционную силу, исторической задачей которой является уничтожение капиталистической системы, т. е. экономической системы, построенной на эксплуатации труда и классовом господстве буржуазии. Эта революционная сила — *рабочий класс*.

От этой общей концепции Плеханов приходит к следующим программным положениям:

1) *Коммунистическая* революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мелкобуржуазно-крестьянского социализма, проповедниками которого являются в настоящее время почти все наши революционеры.

2) По внутреннему характеру своей организации сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

3) При переходе к этим последним ей предстоит не *активная*,

а *пассивная* роль; она не в состоянии *двинуть* Россию на путь коммунизма; она может только *менее сопротивляться* такому движению, чем мелкое подворное землевладение.

4) Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров, — класс,

5) освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий»¹.

Историческая заслуга Группы «Освобождение труда» и состоит в том, что разбитое в героических боях революционное движение 70-х и начала 80-х годов она перестроила на *научной* основе марксизма и нашла *основную* движущую силу революционного движения в *пролетариате*. Тем самым социал-демократия в России уже при самом своем возникновении выступила как «сознательный выразитель» (выражение Плеханова) рабочего движения в России и положила начало тому впоследствии мощному социал-демократическому движению, которое уже в эпоху *ленинизма* стало революционным авангардом рабочего класса.

«Социал-демократия, — говорит Ленин, — есть соединение рабочего движения с социализмом». Заслугой Группы «Освобождение труда» следует признать то, что в борьбе с народническими теориями она пыталась соединить «рабочее движение с социализмом» и тем положила основание социал-демократии в России. В этом отношении *первые* программные работы Группы «Освобождение труда» — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», принадлежащие перу Плеханова, являются *историческим памятником* начальной эпохи русского революционного марксизма.

Историческое значение этих первых трудов Группы «О. т.» определяется тем, что они нанесли сокрушительный удар народническому утопическому социализму и, как прожектором, осветили путь социалистического движения в России учением научного социализма — учением Маркса и Энгельса.

В этом неотъемлемая заслуга основоположников русского революционного марксизма.

Позднее Плеханов, продолжая свои споры с народниками, дает оценку своей работе «Наши разногласия». «Социалисты-утописты в России, как и во всем свете, думали, что от них зависит заставить историю идти в ту или другую сторону. По вопросу об общине русские социалисты-утописты рассуждали так: община — хорошее дело; ее надо поддержать, — следовательно, мы ее поддержим. Могли быть и другие утописты, которые сказали бы: община тормозит наше общественное развитие; ее надо устранить, — следовательно, мы устраним общину. Социал-демократы раз навсегда распространились с утопиями; они сказали себе и другим: ход общественного развития определяется не симпатиями

¹ Плеханов, т. II, стр. 331—332.

той или другой группы людей к тому или другому общественному учреждению, а соотношением общественных сил, от которого в последнем счете зависит самая прочность вышеуказанных симпатий. Не от нас зависит изменить ход экономической истории России. Но мы можем *понять* его и, сильные своим пониманием, явиться сознательными революционными деятелями. Народники плачут о том, что община разлагается. Они не видят того, что разложение общины создает новую общественную *революционную* силу, которая приведет нас и к политической свободе и к социализму. Сила эта — пролетариат, с которым мы должны прежде всего сблизиться. Вот и все. И все это было сказано в «Наших разногласиях» (Плеханов, том III, стр. 419).

Разумеется, при свете современного состояния марксизма, достигшего величайших теоретических высот, благодаря работам Ленина и Сталина, можно было бы при тщательном изучении первых работ основоположников русского революционного марксизма найти немало теоретических ошибок. Мы не считаем здесь уместным подробно на них останавливаться. Но некоторые из них отметить здесь необходимо.

Под давлением *настроений* революционной интеллигенции, которая в первой половине 80-х годов все еще продолжала поставлять основные кадры революционного движения, основатели Группы «О. т.» перенесли в марксистскую теорию ряд народнических предрассудков. Таковы, например, признания как в первом (1884 г.), так и втором (1887 г.) проектах программы Группы «О. т.» индивидуального террора. Из переписки Плеханова с Аксельродом мы знаем, что основатели Группы «О. т.» мало верили в это «спасительное средство». Да это и не вязалось с теоретическими принципами марксизма, которые они развивали в своих первых трудах. Признание террора было данью настроениям революционной интеллигенции с целью привлечь ее на сторону новых идей. Этот ранний оппортунизм питался и упорным желанием объединиться с народовольцами (см. «Переписку» Плеханова и Аксельрода, стр. 59; письма Дейча к Аксельроду — в сборнике «Группа О. т.», т. I). В основе этого оппортунизма лежала оторванность от русского рабочего класса, неверие в возможность *скорого* наступления того времени, когда классовая борьба русского пролетариата приведет его к политическому освобождению. Теория явно расходилась с практикой.

К таким же ошибкам принадлежит и лассальянская идея государственной помощи производительным товариществам, — идея, перешедшая и в первую и во вторую программы Группы «О. т.», — и крайне расплывчатая позиция в аграрном вопросе.

Первая «Программа социал-демократической группы О. т.» (1884 г.) и «Второй проект программы русских социал-демократов» (1887 г.), которые мы относим к первому периоду деятельности Группы «О. т.», носят на себе следы этих теоретических ошибок. Вполне правильно утверждая, что под влиянием раз-

вивающегося капитализма «патриархальные общинные формы крестьянского землевладения разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми», вторая программа *неправильно* считает «главнейшей опорой абсолютизма» «политическое безразличие и умственную отсталость крестьянства».

Позднее Плеханов пытается объяснить «не выдерживающие марксистской критики «ошибки программы» осторожностью, мягкостью и уступчивостью» по отношению к сохранявшимся тогда еще силу революционным народникам. Группа «О. т.» внесла в свою программу требование государственной помощи производительным товариществам не потому, чтобы она была увлечена в этом случае примером немецких товарищей, а просто потому, что ей невозможно было не считаться с народническими симпатиями, — скажем откровеннее: предрассудками, — тогдашних русских революционеров. Нужно помнить, что в то время она была буквально *единственной* русской социал-демократической группой, а число *возможных* русских социал-демократов казалось очень большим, так как все революционные взгляды и программы потерпели жестокое крушение. При таких обстоятельствах Группа «О. т.» поневоле должна была по крайней мере *попробовать быть* осторожной, мягкой и уступчивой. И она действительно *решила попытаться* быть такою. Этим ее решением объясняется как принятие ею в свою программу требования государственной помощи производительным товариществам, так и очень неопределенная формулировка ее *аграрных требований*. Эти последние должны были особенно сильно затрагивать народнические предрассудки наших тогдашних революционеров. Группа «О. т.» хорошо понимала это и поэтому выразилась очень «дипломатично»¹.

Подводя итоги теоретической работе Группы «О. т.» первого периода, мы можем, без риска впасть в ошибку, сделать следующее заключение.

Основоположники русского марксизма, — главным образом Плеханов, — *теоретически вполне* освободились от элементов утопического социализма. В *общем* обеими ногами стали на почву научного социализма Маркса—Энгельса и, применив эти общие марксистские принципы к русской действительности того времени, выяснили задачи и перспективы русской революции. К этому периоду деятельности Группы «О. т.» относится следующая оценка Ленина: «Русская социал-демократия и в лице ее основателей, членов Группы «О. т.», и в лице тех русских социал-демократических организаций, которые основали российскую социал-демократическую рабочую партию, признавала всегда два

¹ Плеханов, «Проект программы российской соц.-дем. партии», «Заря», № 4.

Следующие основные положения: 1) сущность социал-демократии: организация классово-борьбы пролетариата с целью завоевать политическую власть, передать все средства производства в руки всего общества и заменить капиталистическое хозяйство социалистическим; 2) задача русской социал-демократии: организовать русскую рабочую революционную партию, которая ставит своей ближайшей целью ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы»¹.

Однако, при первой попытке *практически* применить эти общи-марксистские принципы (разработка программы) основатели Группы «О. т.» на первых же шагах вынуждены были сделать ряд уступок не изжитым еще в революционной среде народническим предрассудкам. Оторванные от России, от русского рабочего класса и рабочего движения, они не чувствовали твердой почвы под ногами. С теорией *рабочего класса* они обращались к русской революционной интеллигенции, насквозь пропитанной мелкобуржуазными идеями утопического социализма.

Отсюда неизбежные компромиссы.

3. Первые практические шаги Группы «Освобождение труда»

Появление первых работ Группы «Освобождение труда» произвело в революционной среде впечатление разорвавшейся бомбы. Мы выше отмечали, как встретили новую группу тогдашние столпы народолюбия П. Лавров и Л. Тихомиров. Начало пути Группы «О. т.» далеко не было усыяно розами. Противник, с которым повела борьбу маленькая группа молодых социал-демократов, был еще силен. На его стороне был ореол еще недавней героической борьбы «Народной Воли», традиции практического движения, в которое в той или иной степени были втянуты значительные круги «общества».

Что могла противопоставить этому движению, хотя и разгромленному и идущему к упадку, маленькая группа пионеров марксизма? *Классовую теорию* для страны, в которой пролетариат еще не проснулся для политической борьбы. Эта теория таила в себе *потенциальные* революционные возможности, но не могла быть подкреплена *практикой* движения пролетариата, который еще не выступил на общественную арену. Подобно Геркулесу, получившему свою силу от соприкосновения с землей, теория научного социализма приобретает силу от классового движения пролетариата. Молодые социал-демократы из Группы «О. т.» не могли подкрепить теорию практикой рабочего движения, за основание которого они взялись.

Это обстоятельство крайне затрудняло распространение нового социал-демократического учения в косной среде револю-

ционеров того времени, особенно среди тех, которые очутились в среде заграничной эмиграции. Они встретили новые идеи как «доктринерскую» выдумку людей, которые под благовидным предлогом собираются чуть ли не изменить делу революции.

«Мы, маленькая группа в 4—5 человек, — вспоминает Л. Г. Дейч, — вздумали свернуть в новое русло русское революционное движение, имевшее за собою тогда уже довольно продолжительное прошлое, прочно установившиеся взгляды, приемы, традиции. Чуть ли не гомерическим хохотом раздражались при этом некоторые «почтенные» эмигранты, слыша про наши намерения. «Переводными брошюрками и компиляциями немецких произведений «освободители труда» задумали осчастливить Россию, — все в ней на новый социал-демократический путь перевести», — смеялся, помню, один ныне здравствующий видный эмигрант-народник. — «Вы не революционеры, а студенты социологии!» — укоризненно восклицал самый авторитетный тогда старожил, друг Бакунина, Н. И. Жуковский. И мы не могли не признавать, что для этого насмешливого, отрицательного отношения к нашим стремлениям имеется немало оснований, почему... сам Георгий Валентинович сравнивал нередко наши намерения со сборами крыловской синицы море сжечь» (сборник «Группа Освобождение труда», том I, стр. 11). В письме П. Л. Лаврову от 6/VIII 1883 г. Л. Тихомиров утешает его, что «по всей загранице» нет человека, «хорошо к ним относящегося», а «что касается России, то в настоящий момент они там тоже ничего не имеют» (речь идет об основателях Группы «Освобождение труда»). Действительно, симпатии «революционной молодежи» были еще на стороне старой «Народной Воли». У новой организации не было средств, не было атмосферы сочувствия. «Временами, в особенности на первых порах, у нас у всех являлись опасения, удастся ли нам не только осуществить все наши задачи, но продержимся ли мы хотя бы сколько-нибудь продолжительное время, не осрамятся ли окончательно на радость нашим недоброжелателям с народолюбцами и бывшим нашим союзником П. Л. Лавровым во главе... Тем не менее мы не осрамялись, и деятельность группы «Освобождение труда» продолжалась не один год, а два десятка лет» (там же, стр. 13).

Однако, влияние новых идей было непобедимо. Ход общественного развития был на их стороне. Эти новые идеи приобретают силу не в заграничных дискуссиях, а в начавшемся *повороте* среди революционеров в России.

Одновременно с Группой «О. т.» и независимо от нее в Петербурге возникла «Партия русских социал-демократов» (группа Благоева), начавшая издавать газету «Рабочий» (вышло 2 номера). Как и Группа «О. т.», группа Благоева начинает с пересмотра народнических воззрений, с утверждения марксистских взглядов и с постановки практических задач русского революционного движения, из которых первой и ближайшей ставится низ-

¹ Ленин, т. II, 556.

вержение самодержавия и установление конституционного строя. Как и Группа «О. т.», группа Благоева вносит в свою программу лассальянскую «государственную помощь производительным ассоциациям» — дань народническим предрассудкам. Группа «О. т.» завязывает связи с Россией, в частности с группой Благоева, и в № 2 «Рабочий» появляются статьи: Плеханова — «Современные задачи русских рабочих (письмо к петербургским рабочим кружкам)» и Аксельрода — «Выборы в германский рейхстаг и социально-демократическая партия». В этом первом выступлении Плеханова с социал-демократическими идеями перед русскими рабочими последние призываются к борьбе на два фронта. «Вы должны бороться, — пишет Плеханов, — во-первых, ради своего освобождения от гнета хозяев, от экономической эксплуатации, а во-вторых, ради приобретения тех прав, которые положат конец полицейскому произволу и сделают из вас. — пока еще бесправных обывателей, — свободных граждан свободной страны. Другими словами, вы должны бороться во имя политической свободы. И не думайте, что эти две задачи могут быть отделены одна от другой, что они могут быть решены порознь и независимо друг от друга. Каждый из вас одновременно является и эксплуатируемым рабочим и бесправным обывателем. Поэтому и все вы в совокупности — весь русский рабочий класс — должны одновременно преследовать как политическую, так и экономическую цель. Вы должны одновременно стремиться низвергнуть как тех, которые являются его господами на фабрике, так и тех, которые полновластно распоряжаются теперь в русском государстве.

«Одно немислимо без другого. Без экономической независимости вы никогда не будете в состоянии воспользоваться во всей полноте вашими политическими правами; без политических прав вы никогда не добьетесь экономической независимости... Чем же могут быть разрешены эти задачи?

«Они могут быть разрешены только силой»¹.

Наряду с возникновением группы Благоева и литературным выступлением в «Рабочем» основателей Группы «О. т.», в Петербурге, Москве и др. городах в среде революционной интеллигенции обнаруживается интерес к новому социал-демократическому учению. Народовольческая интеллигенция, особенно учащаяся молодежь, не столь нетерпима к новому учению, как их заграничные лидеры, — и в народовольческих кружках второй половины 80-х годов мы замечаем огромный интерес к социал-демократической литературе; можно встретить немало людей, которые явно тяготеют к социал-демократии. Посланный Группой «О. т.» зимою 1883 г. для связи в Россию Финстер (Гринфест) сообщил о громадном интересе, проявленном «отдельными лицами» и «небольшими кружками» к литературе Группы

¹ Плеханов. «Современные задачи русских рабочих», т. II, стр. 365.

«О. т.». «Некоторые из его новых знакомых, — пишет об этом Л. Г. Дейч, — заинтересовались нашей группой и, видимо, готовы были поддержать ее. Финстер сетовал на то, что у него не было достаточного количества наших первых произведений, чтобы раздавать хотя бы по одному экземпляру на каждый из посещенных им городов. Он сообщал, что вообще замечается увеличение интереса к заграничье и, в частности, к издаваемым нами произведениям, т. к. многие все более и более разочаровываются в народовольчестве. Нашлись поэтому не только отдельные лица, но и небольшие кружки, соглашавшиеся взять на себя оплату довольно значительных расходов, связанных с изданиями, а в особенности с дорогой контрабандой — переправкой наших произведений: его снабдили средствами для организации пути, и ему это удалось осуществить» («Группа О. т.», том I, стр. 41).

Путь успехам социал-демократии в России был открыт. Почва оказалась подготовленной. В письме к П. Б. Аксельроду от 21/I 1884 г. Л. Г. Дейч сообщает об информации, которую привез из России Янович. «Заметно внутреннее оживление среди молодежи: она снова хочет взяться за деятельность, критически относится лишь к старым способам. желает чего-нибудь определенно, ясно. Поэтому, говорит он, появившись человек с определенной программой и опытный, то мог бы вести многих за собой... К политической борьбе все относятся вполне сочувственно; поэтому, думает он, с этой стороны наша программа не встретит препятствия, но она не обещает нам успеха, раз мы на месте там не будем иметь людей, которые могли бы указывать практические пути действий» (там же, стр. 195).

Такую же картину рисует в письме к П. Л. Лаврову и близкая к «молодым народовольцам» С. М. Гинзбург, вернувшаяся за границу из поездки по России в 1887 г.: «Издавания Группы «Освобождение труда» Россия наводнена; «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба» имеют свое влияние. и влияние сильное, с которым нам придется считаться. Отрицание политической борьбы — борьбы, как мы ее понимаем, и обоснование своих положений якобы историей Европы, по-моему, серьезное препятствие в нашей работе. Значение личности, значение интеллигенции в революции совершенно уничтожается ими, и я лично видела людей, разбитых его (Плеханова. — С. Ч.) теориями. И главное — его тон смелый, как бы уверенный в своей правоте, его уничтожение всего прежде существующего, низведение деятельности предшественников к нулю — все это положительно влияет».

В письме к П. Б. Аксельроду от марта 1889 г. Плеханов, сообщая о появлении в Женеве группы «молодых народовольцев», пишет, что о «Народной Воле» в программе нет ни слова и что в затеваемом ими органе они приглашают работать Плеханова. Аксельрода и Засулич. «Не забудьте, что из всех других заграничных писателей будет приглашен только Лавров». «Как бы то

ни было, мы можем сказать, что мы победили» (подчеркнуто Плехановым)¹.

Рост влияния социал-демократических идей обуславливался, конечно, не личными качествами Плеханова, а представлял выражение процесса нарастания новых общественных отношений. Так же, как бесплодны были попытки *противодействовать* развитию новых общественных отношений, возникших на основе капитализма, в такой же мере были утопичны попытки *задержать* распространение социал-демократических идей. После знаменитой стачки на фабрике Морозова в Орехове (1885 г.) не могло уже оставаться сомнений, что русская социал-демократия стоит на верном пути. И не случайно, что почти в одно время с Группой «О. т.» и совершенно от нее независимо, возникла в России — в Петербурге — «Партия русских социал-демократов» (группа Благоева).

Возросшее рабочее движение не могло удовлетворяться старым народническим хламом и предъявляло требование на теоретическое и программное обоснование классовых интересов и классовой борьбы пролетариата. Рабочее движение, вышедшее из пеленок, не могло удовлетворяться руководством революционеров народнического толка, — оно требовало нового классового знамени, новых пролетарских революционных руководителей, вооруженных классовой идеологией. Трудно приходилось основоположникам русской социал-демократии преодолевать укоренившиеся предрассудки, трудно было пробивать путь новым идеям марксизма, немало приходилось переживать огорчений и неудач, — не раз они, оторванные от России эмигранты, окруженные противниками, впадали в уныние, но, упорные в своей борьбе, они одержали победу.

В брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», вышедшей в 1892 г., Плеханов мог сказать: «Да, товарищи, наблюдая ход русского общественного развития, мы должны признать, что крот хорошо роет. Мы видим, что развитие капитализма принесло с собой не только окончательное разорение крестьянского хозяйства и не только истощение русской почвы. Оно подорвало основы самодержавия и вызвало к жизни те общественные классы, которым суждено быть его могильщиками. Один из этих новых на Руси общественных классов, и наиболее революционный из них — пролетариат, уже теперь, в лице своих лучших представителей, хорошо сознает свои политические задачи» (Плеханов, том III, стр. 384).

Однако с провалом группы Благоева, арестом главного практического работника Л. Г. Дейча и усилением реакционной политики царского правительства, связь Группы «О. т.» с революционными организациями в России ослабела. Группе «О. т.» не удалось в этот период своей деятельности стать *практическим*

центром социал-демократического движения в России. Но от этого ее заслуги отнюдь не умаляются. Литература Группы «О. т.», несмотря на все рогатки, которые ставились русским правительством, проникала в Россию и способствовала созданию первых кадров русских революционных социал-демократов, понесших новые социал-демократические идеи сначала в рабочие кружки, а затем и в рабочие массы.

¹ «Переписка Плеханова и Аксельрода», стр. 59.